

Хуа Чжу Юй извивалась на коврике у кровати, мучительная боль заставила ее хотеть исчезнуть, наконец-то умереть. Боль также прочистила ее разум, но, будучи ясным, он позволял в полной мере ощущать каждый момент, каждую страдающую клеточку ее тела. Ей казалось, что каждый вздох дается с невероятным трудом, как рыбе, вытащенной из воды. Как маленькому дикому животному, попавшему в жуткую ловушку. Ловушку, надежно захлопнувшуюся на ноге. Или скорее нет, ловушку, которая захлопнулась на всем ее теле, заставив его испытывать агонизирующую боль.

Однако иного выхода не было. Нужно было сцепить зубы и терпеть эти жуткие ощущения.

Эту невыносимую боль, которую она больше не могла переносить.

Внезапно замахнувшись, Хуа Чжу Юй нанесла рукой резкий удар по ножке кровати. Сделанная из самой высококачественной, прочной древесины, ножка отчетливо хрустнула, и кровать осела на пол. Нефритовая подушка скользнула вниз и упала, расколовшись на множество мелких осколков. Инерцией задело и высокую вазу, стоявшую рядом. Немного покачавшись из стороны в сторону, она звонко рухнула на пол.

Девушка продолжала разгром, из шатра начали доноситься звуки грохота и звона. В мгновение ока обитель Сяо Иня погрузилась в жуткий хаос, и здесь больше не оставалось ничего, кроме самого принца, разумеется, что можно было бы назвать целым или нетронутым.

Хуа Чжу Юй задыхалась. Ненадолго замерев, она взглянула на Сяо Иня. Из-за боли ее взгляд казался особенно острым, а темные радужки, мерцающие от света свечей, выглядели невероятно притягательными и красивыми. Внезапно раздался ее презрительный смех, холодный, не смотря на заметные страдающие интонации.

- Ваше Высочество наследный принц, учитывая, что Дань Хун оказала вам помощь в столь важном деле, не могли бы вы позволить ей сохранить лицо, и выйти на улицу! – сказала она.

Сяо Инь остался сидеть на кресле, его взгляд не покинул ее лица.

Страдания девушки и ее жуткие мучения затронули его до глубины души, вызвали боль, дали стимул остаться здесь и не оставлять ее одну.

Мужчина встал с кресла. Его глаза со странным, сложночитаемым выражением задержались на бледной белой руке Хуа Чжу Юй, истекающей кровью и изуродованной следами зубов. Он действительно не мог описать, что чувствовал в этот момент.

Принц не предполагал, что Туонг Ту Ко был настолько ядовит. Он знал, что Дань Хун сильна, и был уверен, что она сможет выдержать это нелегкое испытание, но... сейчас она находилась в настоящей агонии.

Сяо Инь достал из рукава черную таблетку и откинул голову назад, чтобы проглотить ее.

Он знал, что достаточно принять лекарство и провести с девушкой ночь, чтобы излечить ее от действия яда. Принц также понимал, что этот поступок сведет на нет все усилия, даже наверняка разоблачит его, поскольку противоядие от яда могло быть лишь у отравителя.

Но теперь у него не было другого выбора.

В отдалении слышались крики и звон мечей. Сяо Инь знал, что это Е Цю, отец наложницы Е, прибыл сюда со своими охранниками, чтобы поднять восстание. Наверняка Е Цю знал, как именно был провернут план по свержению его дочери. В этот раз Сяо Инь поставил семью Е на колени, и вряд ли Е Цю готов был легко принять свое поражение.

С каждой секундой шум битвы становился все ближе, но принц продолжал неподвижно сидеть в кресле. На его лице застыло странное выражение, а взгляд словно приклеился к Хуа Чжу Юй.

Он ждал, пока не начнет действовать противоядие. Когда мужчине показалось, что уже пора, он встал и медленно подошел к девушке.

Мужественный, приятный аромат медленно окружал Чжу Юй. Когда принц встал рядом с ней на колени, он положил руку себе на грудь, напротив сердца, и серьезным выражением лица начал что-то говорить на языке, который ей был непонятен. На фоне шума битвы голос мужчины звучал мягко и нежно.

Это было похоже на обещание или даже клятву.

- Ах ты, отброс, ублюдок! Пошел прочь! Сяо Инь, если ты подойдешь ближе, я тебя кастрирую! - воскликнула Хуа Чжу Юй, но ее хриплый голос звучал мягко, обаятельно и соблазнительно. Даже самый лучший инструмент в мире не смог бы создать звук, столь же завораживающий, как ее голос.

- Как пожелаешь, только тебе придется подождать с этим до завтра, - ответил принц. Он наклонился вперед, и его длинные тонкие пальцы нежно прошли по ее бледным скулам и щекам. Затем руки мужчины скользнули к ее шее и продолжили исследовать мягкое податливое тело перед ним. Новая волна тепла нахлынула на Чжу Юй, наверняка спровоцированная его запахом и прикосновениями. Девушка ощутила, как теряет над собой контроль и перестает понимать, что происходит вокруг.

Спустя миг она подняла голову и вдруг обнаружила след от губной помады на его лице. Сейчас она напонила себе маленькую рыбку, заметившую небольшую струйку воды и вернувшую себе остроту разума в попытке спастись.

Вздвогнув, она укусила принца за его красивой формы, твердый мужественный подбородок.

Хуа Чжу Юй была дезориентирована, она не знала, сможет ли хоть немного ослабить боль и дискомфорт, которые истязали ее. Но это дезориентированное состояние оказалось вдруг очень захватывающим и завораживающим.

Увидев, как она изменилась, Сяо Инь ощутил, что его собственное тело начало гореть. Он как будто тоже находился под влиянием афродизиака. Резким движением мужчина ухватил девушку и развернулся, укладывая ее спиной на пол и нависая сверху. Не в состоянии сдерживаться, он склонился над ней и впился в ее губы. Он целовал ее до тех пор, пока она не начала задыхаться и ее постанывания не стали громкими и почти беспрерывными.

Что-то уперлось Чжу Юй в спину, резко и болезненно, и это вернуло ей ясность разума. Она поняла, что Сяо Инь навалился сверху и прижимает ее к земле.

Унижение и гнев, а также острое желание сбежать затопило каждую пору ее тела, временно одолев даже боль и действие яда.

- Ублюдок! Сяо Инь, ты мерзкое чудовище! Пошел вон, отпусти меня сейчас же! - прошипела она, вытаскивая шпильку из волос и безжалостно вонзая ее в спину принца. Шпилька окрасилась кровью, поскольку мужчина был недостаточно быстрым, чтобы уклониться от ее атаки.

Сяо Инь прищурился. Он словно не ощущал никакой боли, лишь усмехнулся, сказав:

- Соблазняя своего мужа, ты должна быть готова принять на себя всю ответственность!

- С каких это пор ты вдруг стал моим мужем? – зло рассмеялась Чжу Юй.

- С этого момента. Я решил жениться на тебе, и отныне мы муж и жена! - спокойно объявил кронпринц.

- Смешно, действительно смешно. Пусть ты хочешь жениться на мне, но с какого перепуга я должна хотеть замуж за тебя? – усмехнулась девушка. – Встань, иначе я проткну тебе артерию на шее вот этой самой шпилькой.

Уголки губ Сяо Иня растянулись в улыбке, и он со смехом спросил:

- Как в ту ночь с Да Ци?

Похоже, что он давно понял, что именно она была той «шлюхой», что напала на Да Ци.

- Ну, раз ты и сам все знаешь, то почему еще не свалил? – спросила Чжу Юй, замахиваясь шпилькой.

Внезапно Сяо Инь в страхе замер на месте. Его взгляд неподвижно замер на груди Хуа Чжу Юй. На лице мужчины начало появляться странное выражение. Шок, неверие, и, возможно, подозрение...

- Почему эта вещь у тебя? – спросил он.

Чжу Юй взглянула вниз и увидела на его ладони подвеску, ту самую, что носила на шее.

Это было единственное, что оставила после себя Цзинь Сэ. Белый кулон, не из золота, серебра или нефрита. Девушка не знала, из чего он был изготовлен, но работа была грубой и неловкой. Особой формы у подвески не было, но на поверхности едва проступали очертания двух существ. Впрочем, поскольку он был изношен, сложно было понять, что именно там изображено.

В памяти до сих пор ярок был тот момент, когда Цзинь Сэ повесила кулон на ее шею. Той проклятой ночью. Она говорила, что носила это украшение с тех пор, как была маленькой, и считала, что это знак ее семьи. Цзинь Сэ призналась, что самым большим желанием в этой жизни для нее было воссоединение с семьей, и она умоляла Хуа Чжу Юй выполнить это желание ради нее.

Цзинь Сэ приняла смерть вместо своей госпожи, и это были ее последние слова.

- Это мое, я носила это с тех пор, как я была маленькой! - громко воскликнула Чжу Юй, ощущая, как ее сердце наполняет печаль и горе.

- Твое? – Сяо Инь медленно поднялся и отступил от нее.

В мерцающем свете свечей на его красивом бледном лице с трудом можно было рассмотреть странное, пугающее и непонятное выражение.

<http://tl.rulate.ru/book/2933/231038>